Дюк Степанович (7)

Ай во етоей ай да во Нижной Малоей да Галицы
Ай да есь ле да там живёт пречесна вдова
Как по емени а Емельфа да Тимофеевна.
А-сь как есь у ей да едино чадо
А молодый да Дюк да Степановець,
А немного е от рожденьица — да двенаццеть лет.
А предумалосе ему да приохвотилось
А-сь как съездить да сходите ко синю́ морю́,
А на ти нонеце крутые да ба́ские бе́режка,
А на те нонеце а пески е жолтые да макарьёвские
А пострелять-то там гусей, белых ле́бедей,
А-сь как серыих маленьких ютёнышов.
А стал он просить у матушки благословленьица
А от буйно́й головы́ да до сыро́й земли́.
А дала ему да мати благословленьицэ
А-сь как съездить-сходите ко синю́ морю́,
А на те нонеце крутые да баские бе́режка,
А на ти нонеце пески жолты макарьёвски.
Ай да стал тут нонеце Дюк, право, срежатися,
А молодыи как стал собиратися,
А набрал тут свой, право, ту́гой лук,
А набрал ту ле стрелоцки калёныя,
А калёныя а ле стрелоцки, перёныя,
А не простым оны перьём — всё ёрлинскиим,
А не простого ле ёрла — да сезокамьского,
А-сь сезокамьска ёрла, право, заморьского.
А пошел Дюк ле на конюшен двор,
Брал юздечку он тесменную,
Юздал он коня да троелетоцька,
А юздал ле тут, право, налаживал,
Ай седёлко на его, право, накладывал,
А-сь стрёмена наступил да на коня скочил,
А-на поехал-погони́л да ко синю́ морю́,
А на те нонеце крутые да ле ба́ские бе́режка,
А на ти нонеце жолтые пески макарьёвские,

Ай пострелял тут он гусей да белых ле́бедей,
Ай кабы серых да маленьких ютёнышов.
А оттуль ле Дюк нонеце поворот даёт.
А-на поехал ле на горы да высокия,
А на те нонеце ле окаты на прекрасныя,
А становил он своёго коня доброго,
А вынимал он тут ле трубоцьку подзорную.
А смотрел ле под сторону под северну —
А ён видал там ле море ледовит окиян,
А стоят ле там леда́ там ледяны горы́,
А смотрел ле он под сторона под летноя —
А да видать там што ли знаменуетца,
Ай ровно стольнё Кеев-град оказуетца.
А направил ле своего коня доброго
Аж ко тую ле нонеце сто́рону, куда путь лежит.
Ай говорил ле тут да его доброй конь,
А говорил ён е́зыком человеческим:
«А-сь ты ой еси, молодыи Дюк Степановиць,
А не могу я тя нести до стольней Кеев-град:
А корьмил миня травой, право, осочною,
А поил миня водой, право, болотнаю.
Поеждяй назад да в Нижную Галицю,
Ай-яй поставь меня да на рели на высокия,
А насыпь мене пшено белояровое,
А попой миня водое, право, ключевоей.
Ай-яй да не много время пройдёт, право, шесь дён,
А поеждяй тогда на мне да во столнёй Кеёв-град.
А не будут нас дёржать реки быстрые,
А не будут нас дёржать ручьи прегро́блые;
Аж как быстрыя ти реки на скоку скоци́м,
А прегро́блые да руцьи шага[м] шагнём».
Аль поехал тут ле Дюк в Нижную Галицу,
Он привёз домой гусей, право, ле́бедей,
Аж как серыих тут малых ютёнышов.
Ай поставил ён своёго коня доброго
А на те нонеце на рели на высокия,
А насыпал ле пшено белоярово,
А налил ле воды, право, ключевоей,
А-на сам тут пьёт да сам кушаёт.

А да немного прошло времецко — как шесь ле дён,
А придумалось Дюку да приохвотилось
Аж как съездить ему да ле в стольнёй Киев-град
А посмотреть князя́ да со кнегиною,
Аж как всех тут русскиих бога́тырей.
А да не белыя берёзынька да загибаетца,
А не малиновы листоцики да расстилаютца —
А упадывал ле Дюк да сын Степановиць
Ай ко своей родиемой да, право, матушки,
Он просил у ей и благословленьицэ
А ён от буйной головы до сырой земли.
А не даваёт ему мати благословленьица,
А и говорит Омельфа да таковы́ слова́:
«Аж молодыи ты Дюк да сын Степановиць,
А да не в полном ты во полном во́зрасте,
Ай куда же ты поедешь, да куда путь найдёшь?»
А говорит нынце ле Дёк, ответ держит:
«Аж ты ой еси, родема моя матушка,
А по емени Омельфа Темофеевна!
Аж ты дашь ты мне, право, благословленьеца,
Ай не дашь ле мне ты благословленьеца —
Аж да поеду ле ноне да в стольней Кеёв-град».
Ай да даёт ему мати благословленьице
Ай от буйно́й головы до ле сыро́й земли́.
Ай да стала ему мате да тут наказывать,
Аж как стала тут родима наговаривать:
«Аж ты ой еси, молодые Дюк Степановець,
Аж ты приедёшь, можот, скоро в стольней Кеёв-град,
Ай и князя да нонеце да не случитца ведь,
А он уйдёт ко обедне воскресеньскоей».
Ай да стал ле тут нонь Дюк, право, срежатися,
А молодыя нонь тут сподоблятися.
А надел ле на себя да шубу кунию,
Он да взял да тут на припра́ву да богатырьскую,
Аж как брал ле он да сабельку булатную,
А копейцо ле брал он борзомецкоё,
А борзомецкоё копеицо долгомерноё,
А-на как брал ле палицу буёвую,
Ай да брал ён за тонкий [конец].

А и пошел, право, на конюшен двор,
А юздал там, седлал коня доброго,
Он привёл ко крылецику перёному,
А да выходит тут б’ матушка,
Она стала тут ле ему, право́, наказывать,
А дорогим тут ле стала наговаривать:
«Аж ты ой, молодыи Дёк Степановиць!
Ай посадят тебя да можот на почестен пир,
А ты не пей тут много зелена́ вина́,
А да не хвастай ле сам своим богатесвом,
А не хвастай своими конями добрыми,
А не хвастай е своим платьем цветным,
А не хвастай ле да своей золотой казной,
Не хвастай много старой матушкой».
А да стал ле тут он снарежатися,
А сам садилса на добра коня,
А стремена наступил да на коня скочел,
А да поехал-погони́л да во чисто полё.
А ювидали: тут да ле в поле курева́ стоит,
А курева́ ле то стоит, да дым столбом валит.
А ле скоро пригони́л да в стольно Кеёв-град
А до ко тем ле ко полатам кнеженецкиим,
А до ко тем ле ко дворам кнеженецкиим.
А-на не спрашивал а у ворот приворотников,
А-на не спрашивал а у дверей придворников,
Ай да приехал-пригонил да ко красну крыльцу,
А становилса тут да ле Дюк к дубову столбу,
А соскакивал да ле Дюк да со добра коня,
А-на вязал коня к винтову кольцу,
Ай-я к винтову кольцу да золоцёному.
Ай-я заходит тут ле Дюк на красно крыльцо,
А ле со красна крыльця заходит да во новы́ сени́,
А-ей заходит ён во гриню во столовую,
А да Богу-то молицца по-писа́ному,
А-на поклон да ле ведёт да ле по-учёному,
А да молитву творит да ле полну Исусову,
А во вси стороны кругом да ле поклоняитця,
Аж как матушке кнегины да во особицу.
«А ты здравствуй, добрый молодец!

А ты откуль нонеце едешь, куды путь дёржи́шь?
А не видать-то ле тебя в стольнем Кеёве,
А не слыхать-то ле тебя, добра молоцца».
Ай говорит нонеце Дюк, да ле ответ держи́т:
«А из той ле из Нижней Малой Галицы,
Из той же из Карелы из богатоей,
Аж дак там живёт пречесна вдова
А да по емени Омельфа Тимофеевна,
А молодая нонь я Дюка сын Степановиць,
А да не многого рожденьица мне — двенаццать лет».
А да стал нонеце ле Дюк кнегины спрашивать:
«Аж да где ваш солнышко Владимер-князь?»
Ай-яй говорит кнегина, а ответ держи́т:
«А-на шел ко заутрене Христовоей,
А ко той к обедни воскресеньскоей,
А да стоит тут ле ён на пра́вом крылосе,
А по праву́ руку́ стоял его, право, старой козак,
А по леву́ руку́ да ле Дунай да сын Ивановиць».
А да подходит да ле нонь Дюк да во божью церкву
А да ко той ко обедне да воскресеньскоей,
А да заходит да нонь Дюк во божью́ церковь,
А ён Богу тут ле молицца по-писа́нному,
А-на поклон ле ведёт по-ючёному,
А да молитву ён а творил полну Исусову,
А во все стороны ён поклоняецца,
Ай-я да Владимеру-кнезю да во особицу.
А-на подходит ко кнезю ко Владимеру,
А-на ставаёт ему да под леву́ руку́.
Ай говорит ле Чурилко да таковы́ слова:
«А да какое тут зашло за невежищо,
Аж как всех он стеснил русськех бога́тырей,
А да миня, Чурилка, да вовсе с места сжил».
А-ей говорит а ле Дюк, право, ответ держит:
«А не то ноньце поют, не то слушают,
Аж как служат обедню воскресеньскую».
Ай-яй говорил тут ноне Чурило во второ́й нако́н:
«Ай-яй какое пришло тут невежищо,
Аж как всех он стеснил русськех бога́тырей,
Ай-яй мня-то, Чурилка, вовсе с места сжил».

А говорил ле тут нонь Дюк да таковó словó:
«Ай-яй не то поют да не то слушают,
Аж как тут служат обедню воскресеньскую».
А говорил тут Чурилко во третьéй накóн:
«Ай-я да какое зашло невежищо,
Аж как всех стеснил русськех богáтырей,
А да миня то ле, Чурилка, да вовсе с места сжил».
Ай-я говорил тут нонеце Дюк да сын Степановиць:
«А не то нонеце поют, не то слушают,
Аж как служат нонь обедню воскресеньскую».
Ай да отходит обедня воскресеньская,
А да выходят да нонеце все из бóжией церкви.
А молодые тут Дюк да сын Степанович
А пораньше он всех пошел из божией церкви,
А становилса он а в ворота церковныя,
Аж как всем ле наш а Дюк да поклоняетца,
А да Чурилку да ле Дюк головы не гнёт.
Ай пошел-то ле он а за князем да за Владимером,
А все сильнии да русськие богáтыри,
А пошли ёни все ко кнезю ко Владимеру,
А сели за столы за дубовыя,
А за питья, за есва они сели за сахарныя.
Аж как все тут на пиру да напивалисе,
Аж как тут на чесном да наедалисе,
Аж как тут на пиру стали пьяны-веселы.
Ай говорит тут нонь Чурила бладо Плёнкович:
«Ай-яй какое ле сидит за невежищо,
Ай-ей бел-крупичат колачик ён розламыват,
А серёдку колацика выкусыват,
А-на как верхнию короцку наверх стола кладёт,
А как нижнию короцку под стол мечёт».
Ай-я да это Чурилку не понравилась,
Говорит Чурилко да таковы́ слова:
«Аж ты ой еси, солнышко Владимер-кнезь!
Какое у тя сидит невежищо:
А-яй колацика он розламыват,
Середка колацика выкусыват,
Ай да нижную короцку под стол мечёт,
Да верхнию короцку на стол кладёт».

А-яй говорит солнышко Владимер-князь:
«Ты ой еси, Дюк да сын Степановиць!
Ай-я ты сидишь ю миня на чесно́м пиру,
А над божьим даром искитаешься:
Ай-я колацики ты у нас розламывашь,
Серёдка колацика ты выкусывашь,
Ай-я нижну ту короцку под стол мечёшь,
А верхнию короцку на стол кладёшь».
А говорит ле Дюк, тут ответ держи́т:
«Да верхняя короцка пахнет сосенкой,
Ай-я нижняя короцка пециноцкой.
Ай-я у моёй родимоей матушки
А есь у нас пеценька муравлена,
А есь сподики у ей всё медляныи,
А помёлышко у ей шёлко́воё,
А-яй колацика съешь — другой пуще хочетця,
А по другому колацику душа гори́т».
Ай говорит ему солнышко Владимер-князь:
«Ты ой еси, удалой доброй молодець».
Ай подходит Чурилко да бладо Плёнкович,
Нападает на Дюка на Степановиця,
Ай-я говорит ле Чурило да таковы́ слова́:
«Ай ты ой еси, да Дюк Степановиць!
А мы юдарим с тобой о велик заклад,
Не о ста рублей, не о тысеци,
А о своей ле, право, буйной головы́:
А ськакать через реку Енисей-реку,
А ськакать, право, на добры́х коня́х».
Ай тут ударились юдалы добры молоццы,
А юдарились они не о ста рублях,
А не о ста ле рублях, не о тысеци —
О своих ле о буйных, право, го́ловах.
Ай-я тут стали ребятушка срежатися,
Да стали юдалы да сподоблятися,
А поехали ёны на добры́х конях
А ко той же Енисей-реке.
А тут много народу собиралося
А смотреть юдалых добрых молоццов.
Ай-я говорит Чурило да таковы́ слова:

«Уж ты ой еси, Дюк да сын Степановиць!
А ле поеждяй наперёд ты, Дюк Степановиць».
Говорит ле тут Дюк, ответ дёржи́т:
«Аж ты ой еси, Чурило да бладо Плёнкович!
Не моя была, право, находоцка,
А твоя была, право, нападоцка,
Поеждяй, право, на́перёд ты».
Ай поехал-погони́л доброй молодец
По имени Чурило да бладо Плёнкович,
Ай-я обрюшился середи реки его доброй конь.
Ай-я погонил тут, право, Дюк Степановиць,
А хватил он Чурилу за жолты́ кудри́,
А ён вытащил его через...
А говорил-де Дюк ему да таковы́ слова:
«А ой ты, Чурило да бладо Плёнкович!
Ай-ей я срублю у тя да буйну голову».
Ай говорит ле ему Чурило таковы́ слова́,
Да таковы́ слова́, да низко кланяетця:
«А во первой вине да прости меня».
Да на ето-то Дюк да соглашаетця.
А поехали они ко Владимеру,
Да сели опять да на почесен пир,
А допьяна ребята да напивалиесе,
А во хмелю они да похвалялиесе,
А говорит опять Чурило да бладо Плёнкович:
«А ты ой еси, Дюк да сын Степанович!
Ай которой мы можом...
Да пойдём туда во божью́ церьковь,
А юдаримса с тобой о велик заклад,
Не о ста ле рублей да о тысяеци —
Ай о своей ле буйной да буйной го́ловы».
А на это Дюк да соглашаитця.
Да ударились ребята о велик заклад,
Ай-яй не о ста рублей да не о тысячи —
О своей-то о буйной го́ловы.
Ай говорил-то ле Дюк да сын Степановиць:
«Уж ты ой еси, Чурило да бладо Плёнкович!
А у мня-то дело приезжее,
Да у мня надо ехать за чисто́ полё,

А-ей достать платье, право, цве́тноеё».
Да сдумал ле Дюк да сын Степановиць
Написать ле, написать да скорограмотку
Ко своей ле матушке родимоей,
Ай-ей попросил у ей да таково́ слово́:
«Уж ты ой еси, моя мати родимая!
Ты пришли мне ли платье цве́тноё,
Да цве́тноё платьё да самолучшеё,
Да в которое хожу во божью церкву.
Да в которое хожу я да Осподу молитьця».
Написал он ерлык да скорограмотку,
Выходил он ле, Дюк, да на юлицу ко добру́ коню,
Он поло́жил седёлышко черкальское,
Он и правил свого коня доброго
А во ту ле свою да Нижну Галицу
Ко своёй ко родимой ко матушке.
Да конь везёт — только земля дрожит,
Да скоро пробежал поле чистоё,
Ай-яй прибежал он в Нижну Малу Галицу.
Ай-яй прибегает его, право, доброй конь,
А стал да конь ко красну крыльцу,
Ай-яй выходит да его ронна матушка,
Да по емени Ёмелфа Стимофеевна,
Да смотрит седёлышко черкальское,
Да есь там ерлык, да скорограмотка,
Да процитала ерлык, да скорограмотку,
А покачала своей да буйной го́ловой,
Ай-я покачала, сама заплакала:
«Уж ты ой еси, молодыи да Дюк Степановиць!
Уж что я тебе, право, наказывала:
Да ты не пей много зелена́ вина́,
Да не хвастай да своим богачесвом».
Ай-ей побежала она во кладовы́е богатые
Да за той за шубой, право, кунией.
А поло́жила она на добра́ коня́,
Да на тое седёлышко церкальское,
А отправила она его в путь-дорожецьку.
А и конь бежит — только земля дрожит,
А и скоро пробежал нонеце чисто́ полё

А прибежал в стольней Кеёв-град,
А и становицца конь да ко красну крыльцу,
А и становицца конь, копытом бьёт.
Ай-ей выбегаёт тут Дюк да сын Степановиць
Ко своёму тут, право, да добру коню.
А и снял с себя, право, шолков поес,
А привезал его ко дубову́ столбу,
А ко дубову́ столбу да к винтову́ кольцу.
Да берёт с седёлка да шубу кунию,
А заходит во грини во столовые,
А говорит ле Дюк да таковы́ слова́:
«А ты ой еси, Чурило да бладо Пленкович!
А мы станем теперь да срежатися,
Ай-ей да станем с тобой да сподоблятися.
А пойдём мы с тобой Богу молитися,
А пойдем во божью́ церьковь,
А да станем мы с тобой да по́ ряду,
Аж как по́ ряду станем, да по́ близку».
Ай-ей пошли тут ребята да за божью́ церкву́,
А-ей много народу собиралосе
А-ей смотреть юдалых добрых молодцов.
А тут станут ребята роздеватися,
А тут станут ребята розболакатися,
А говорил тут Чурило да таковы́ слова́:
«А ты ой еси, Дюк Степановиць!
А роздевай свою шубу кунию».
А говорит ему Дюк, право, ответ держи́т:
«А не моя была походоцка-нападоцка,
А раздевайся, Чурило да бладо Плёнкович».
А да стал тут Чурило да роздеватися,
А да стал тут юдалый да розболакатися,
А всё ли пошло тихо-на́тихо,
Да всё ли прошло ба́ско-на́баско.
Ай-е да стал Дюк тут роздеватеся,
А ле солнышко берёт да под праву́ руку́,
А старо́го берёт под леву́ руку,
А ле говорил Дюк да таковы́ слова́:
«А ой еси, юдалы да добры молоццы!
А вы не бойтесь песенок разныих,

А не бойтесь вы песенок змеиныих».
А и провёл по пуговкам своёй рукой —
А и кажна пуговка распоялася,
Ай-я из каждной пуговки вылетала змея,
Вылетали тут змеи, право, разныи,
А закричали-запели разным голосом.
Ай-я божья церьковь да пошатилася,
А и все тут ле народ упал,
А и все тут дьяки да причётники,
Ай-яй солнышко стоит под правóй руекóй,
А старóй стоит под левóй руекой.
Аж как стали тут Дюку наговаривать,
А и стали тут Дюка упрашивать:
«Да ты уйми змеёв разныих,
А ле страху от них множество».
Ай-ей повёл тут Дюк по пуговкам,
На те змеи да, право, разныя,
Ай-ей ото сну тут вси да пробудилисэ.
А отошла тут обедня да воскресеньская,
Да пошли тут ко князю да ко Владимеру,
Они сели за столы да за дубовыя,
А за питья-ества да за сахáрныя,
А ёни стали тут пить да веселитися.
Говорит тут Дюк да таковó словó:
«Уж ты ой еси, Чурило да бладо Плёнкович!
Да нельзя ли у тебя срубить да буйну голову?»
А ле стали тут Дюка все юпрашивать,
А и стали тут Дюка юговаривать:
«А да во перьвой вины, право, ты простил,
А во второй вины ты опять прости».
А на ето-то Дюк да соглашаетце,
Говорит только да таковы́ словá:
«А пускай не находит на меня Чурило-де бладо Плёнкович,
А пускай не находит, право, третиеей раз».
Ай-яй си́дят тут ребята да забавляютця,
Да и стали опять пьяны-веселы,
Ай-я все они, ребята, и приросхвастались.
Ай-я подходит тут Чурило да бладо Плёнкович
Ко тому ле Дюку Степановицу:

«Уж ты ой еси, Дюк да сын Степанович!
Мы побьёмся с тобой о велик заклад,
Ай-я не о ста рублей, не о тысеци —
А о своей ле, право, бу́йной го́ловы:
Да у которого больше будёт богачесва,
Да у которого больше будёт имушесва,
Ай-я у которого будёт больше золотой казны,
Золотой казны́ да бесчётноей».
Да все на пиру сидят задумались,
Ай-я назначать стали писарей,
А купили чернила на петьсот рублей,
Да гумаги взяли они на тысецу,
Ай-я да поехали они Чурилу описывать,
А и всё ли его, право, имушесво.
А описали Чурила все имушесво,
Да выдержали чернила да на петьсот рублей,
А гумаги издержали на тысецу.
Да пришли тут ребята на почесен пир,
А и стали ёни вси рассказывать:
«Описали мы Чурила бладо Плёнковиця,
Да всё ёго житьё, всё имушесво,
Ай-я повыдержали чернила на петьсот рублей,
Да гумаги повыдержали да на тысецу».
А и говорил ле тут солнышко да таковы слова:
«А уж ой еси, Дунай сын Ивановиць!
Поеждяйте теперь в Нижнию Галицу,
Ко тому ле Дюку Степановичу,
А описывайте там всё имушесво».
А и скоро тут ребятушка срежалися,
А и брали чернила на петьсот рублей,
Ай-яй гумаги берут ёни на тысецу,
А да поехали юдалы добры́ молоццы
А да в ту Нижнюю Малу Галицу,
А и в ту ле Карелу пребогатую.
А да скоро они проехали по чисту́ полю,
А проехали ребята поле чистоё,
Ай-я приехали они в Нижнию Галицу,
А к тому ле дому Дюкову.
Ай-ей становились ребята ко красну крыльцу,

Ко красну крыльцу, да ко дубову́ столбу,
А ко дубову́ ле столбу, да к винтову́ кольцу,
Да к винтову́ ле кольцу да золоцёному,
Ай-я заходят-то ребята да на красно́ крыльцо,
А и заходят во гриню столовую:
«Ай-я здравствуй, Ёмельфа Темофеевна!»
А говорит тут девушка-служаноцка:
«А не Дюкова ведь я тут матушка —
Я ле Дюкова, право, служаноцка,
А ушла ёго матушка во божью́ церкву,
А ушла она Богу помолитися
Да ко той ле заутрене ко Христовоей,
Да ко тоей ле обедне воскресеньскоей».
Да отходит обедня воскресеньская,
Ай-я видать там идёт Дюкова матушка,
А впереди ле идут молоды молодушки,
Они стелят сукна, право, красные,
Позади тут идут да красны девушки,
А завёртывают сукна да, право, в трубоцку.
А пришла Дюка ронна матушка,
А и сидят во грине добры молоццы,
А добры молоццы да поздоровались,
А и низко сама им поклониласе.
А и становили тут столики дубовыи,
А нанесли тут питья-есва саха́рныи,
А поили тут юдалых добрых молоццов,
А нанесли тут разных напитоцьков,
А принесли тут братынецку немалую,
А у ей, братынецки, двацдать пять рожков,
Ай из кажного рожка разные напитоцки.
А говорит Дюка матушка после этого:
«А уж вы ой еси, юдалы добры молоццы!
Зацем сюда нонь пришли да приехали?»
Ай-яй говорят тут юдалы добры молоццы:
«Мы от солнышка князя посланники,
Ай-яй мы описывать тут всё твоё имушесво,
А мы описывать тут всё твоё богачесво».
Ай-яй говорила Ёмельфа тут, ответ держи́т:
«А уж ой еси, юдалы добры молоццы!

А уж как у Дюка, право, три́ дома,
Да ле три ле стали высоки́ терема́,
А хорошо они, баско изукрашены,
А да разными... изнаряжены,
Ай-яй на крыше у нас...
Ай-яй есь у нас стоит ещо конюшен двор,
А есь там стоят кони добрыи,
А и вся там сбруя лошадиная.
А да пишите перво конюшен двор,
Пишите-цените ко́ней добрыих,
Да и всю ныне сбрую лошадиную».
А пошли тут ребята на конюшен двор
Да описывать всё их имущесво.
А писали они, ценили ко́ней добрыих,
А всю нонеце сбрую лошадиную,
А ценили-писали, право, конюшен двор.
Зашли опять во гриню во столовую,
А и стали описывать, право, перьвой дом,
А в котором живёт Дюк Степанович,
А в котором всё его платье цве́тноё.
А описали ёни, право, перьвой дом,
А повыдержали чернила на петьсот рублей,
Да гумаги издержали да на тысецу.
Ай-я тут молоццы скоро поворот держа́т,
Да и тут с Омельфой распростилисе,
Ай-яй поехали скоренько во стольней Кеев-град,
А заходят ко князю ко Владимеру.
А и все тут ребята собиралисэ,
А и все тут снова на почесен пир,
Аж как стали тут ребята рассказывать
Как про Дюково всё про именьице:
«А мы повыдержали чернила на петьсот рублей,
А гумаги издержали на тысецу,
Ай-я описали ю Дюка только конюшен двор,
Ай-я да первое-ет дом стали́ описывать,
В котором живёт Дюк Степановиць,
Ай-я не стало у нас, право, чернила ведь,
Не хватило у нас, право, гумаги-то.
А мы сидели у Омельфы на чесно́м пиру,

А в той ле во грине во столовыя,
Ай-я нанесли питья-есва саха́рныя
А и разныя напитоцки хмельныя,
Ай-яй принесли братыньку двацать пять рожков,
А из кажного рожка разныи напитоцки,
А напитоцки ети всё хме́льныя,
А етой братыньке не могли оценки дать».
А сидит тут Чурила запечалилса,
А опустил свою буйну́ голову́,
А в землю гледят оци ясныея.
А ишшо говорит ле Дюк да таковы́ слова́:
«А ты ой еси, Чурило бладо Пленкович!
А выходи-то теперь на юлицу,
А ставай-ко-ся на площадь на широкую,
А срублю я ю тя буйну́ голову».
Ай-я как стали тут все тут юпрашивать,
А и стали тут вси да юговаривать.
А и говорил ле Дюк да таковы́ слова́:
«А не могу я прощать больше в тре́тей раз».
А уж как брал тут Дюк саблю вострую,
А и смахнул тут Чуриле буйну́ голову́,
Говорил ле еще́ да таковы́ слова́:
«Пускай не находит на меня третий раз».

(Зап. Астаховой А. М.: 1—2 июля 1929 г., сел. Усть-Цильма — от Носова Василия Прокопьевича, 65 лет.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.